

«УШЕДШИЕ ПОБЕДИТЕЛИ»

Доктор исторических наук Нина БЫСТРОВА,
Институт российской истории РАН

**Герои очерков, вошедших в книгу
«Русское зарубежье. Великие соотечественники:
литературно-художественный альбом»
(М.: Дрофа, 2010), были вынуждены покинуть Родину
после революционных событий 1917 г.
и Гражданской войны 1918-1922 гг.
«Не признанные» советской властью,
они нередко доказывали на чужбине не только
собственную состоятельность,
но и уникальность нашей культуры и науки.**

Многие из безусловно ярких, талантливых людей, оказавшихся тогда за пределами своей страны, — писатели, актеры, художники, ученые, политики — мечтали сюда вернуться, хотели, чтобы «Россия снова сделалась Россией, а русская эмиграция перестала быть эмиграцией», как отмечал писатель Аркадий Аверченко. Но с ним такого не случилось, как, впрочем, и с большинством тех, кого философ, социолог, экономист, историк, политик Петр Струве (1870-1944) назвал Русским зарубежьем, видя в них прежде всего носителей единого культурного и исторического начала, которое всеми силами стремился сохранить.

Остро переживая разномыслие, раздробленность политических группировок в эмигрантском общест-

ве, Струве предложил им объединиться под флагом либерального консерватизма, однако эта идея не воплотилась в жизнь. Февральскую революцию 1917 г. герой очерка Марии Федоровой «В единстве противоположностей», как и многие наши соплеменники, представленные в обсуждаемой книге, считал величайшим мировым событием, а последовавшую вслед за ней в том же году Октябрьскую встретил крайне враждебно. Впоследствии среди причин ее победы он выделил низкий культурный уровень большинства населения, оторванность власти от общества, отсутствие психологии собственника, запаздывание в проведении реформ.

Надо сказать, Струве много сделал для борьбы с пришедшими тогда к власти большевиками: участво-

Антон Деникин.

Марк Шагал.

вал в работе Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале Антоне Деникине, ведал внешними сношениями в созданном в Крыму правительстве генерала Петра Врангеля и т. д. В 1920 г. он окончательно осел в Париже, но и там играл заметную роль в общественной жизни, объединяя разбросанных по свету соотечественников и стремясь сохранить их национальное самосознание.

Николай Бердяев (1874-1948) (очерк Евгении Савельевой «Рыцарь революции — революции духа»), высланный с Родины на «философском пароходе»*, всегда находил применение своим разнообразным талантам. В Берлине, а с 1924 г. во Франции редактировал книги эмигрантов, руководил журналом «Путь» — ведущим религиозно-философским изданием Русского зарубежья, читал лекции, много писал.

Еще один из виднейших отечественных мыслителей — герой очерка Александра Киселева «Иван Ильин и его «поющее сердце» (1883-1954), правовед, общественный деятель, публицист и литературный критик, в 1922 г. также изгнанный на чужбину вместе

с другими представителями культуры и науки, чьи воззрения противоречили новой власти. Поселившись в Берлине, он развернул активную деятельность: в 1923 г. стал одним из организаторов Русского научного института, в 1926 г. — Русского зарубежного съезда, входил в состав редакции выпускавшейся в Париже газеты «Возрождение», в 1927-1930 гг. издавал журнал «Русский колокол». Отметим: в наши дни состоялось посмертное возвращение этого выдающегося человека на Родину. 3 октября 2005 г. его вместе с супругой перезахоронили в некрополе Донского монастыря в Москве.

В числе наиболее заметных фигур эмиграции был нашедший пристанище в Германии философ, литератор, историк, социолог культуры Федор Степун (1884-1965), которому посвящен очерк Александра Киселева «Мысли на пути в изгнание». Он с трудом привыкал к нелегкой, как и у большинства соотечественников, эмигрантской жизни, называя ее ненастоящей, однако много писал и преподавал. Его перу принадлежат статьи о великих отечественных мастерах слова Федоре Достоевском, Льве Толстом и др.

В 1924 г. в Париже Иван Бунин (1870-1953) (Алена Бондарева, очерк «Ян бессмертный»), к тому времени уже знаменитый писатель, в публичной речи «Миссия русской эмиграции» заявил, что ее предста-

*«Философский пароход» — кампания правительства РСФСР по высылке неугодных власти интеллектуалов за границу в сентябре и ноябре 1922 г. (прим. ред.).

*Леонид Пастернак с женой.**Джордж Баланчин.*

вители своим исходом, борьбой, ледяными походами* доказали непримиримое отношение к большевистским заповедям. Горячо любя Родину, он не терял надежды на падение нового режима. Многим этот человек казался неприятным, однако близкие знакомые говорили о его большой отзывчивости. Так, он раздал нуждающимся почти всю полученную в 1933 г. Нобелевскую премию, хотя лауреатской суммы ему бы хватило до конца жизни, а во время Второй мировой войны, очень радуясь русским победам и отказавшись уехать в США, прятал в своем доме евреев. От голода и других житейских напастей спасался работой, много писал, в том числе создал свое главное произведение — замечательный роман «Жизнь Арсеньева» (1927-1938 гг.).

За пределами советской России оказался по существу весь спектр политических партий и настроений. Во многих странах Европы, прежде всего в Югосла-

вии, Болгарии, Чехословакии, сосредоточились массы военных, во время Гражданской войны находившихся в составе белых армий. Они принимали активнейшее участие в решении насущных вопросов эмигрантской жизни и вместе с тем постоянно дискутировали о проблемах нынешнего дня и будущего своей Родины, возможностях туда вернуться, методах борьбы с большевизмом, что свидетельствовало о глубоких разногласиях в этой среде.

Своеобразным символом непримиримости этих людей по отношению к советской власти стала личность генерала Петра Врангеля (1878-1928), ярко охарактеризованная Русланом Гагкуевым в очерке «Последний главком». Даже в эмиграции он оставался вождем, под началом которого многие надеялись на победоносное возвращение в Россию. Позицию полководца определила твердая решимость сделать все, чтобы не вовлечь в политическую борьбу армию. Стремясь сохранить структуру последней и не допустить осложнений в отношениях с иностранными государствами, в 1924 г. он создал и возглавил Русский общевоинский союз, призванный осуществлять взаимодействие между соответствующими объединени-

*Первый кубанский поход («ледяной») 1918 г. — движение с боями Добровольческой армии (основной белогвардейской военной силы на Юге России во время Гражданской войны 1918-1922 гг.) от Ростова-на-Дону к Екатеринодару (ныне Краснодар) и обратно на Дон. Великий сибирский «ледяной» поход — отступление армий адмирала Колчака из Омска в Забайкалье зимой 1920 г. (прим. ред.).

Анна Павлова.

Матильда Кшесинская.

ями в разных странах и в любой момент стать основой для развертывания сил, противостоящих большевикам.

В самом центре противоборства эмигрантских политических течений в Париже оказался не примкнувший ни к одному из них главнокомандующий Добровольческой армией, а затем Вооруженными силами Юга России Антон Деникин (1872-1947), представленный тем же автором в очерке «Патриот национальной России». Генерал считал себя не вправе определять будущее государственное устройство страны до созыва Учредительного собрания и стремился под лозунгами «Великая, Единая и Неделимая Россия», «Борьба с большевизмом до конца» сплотить широкие слои населения.

Первоначально Антон Иванович вместе с семьей поселился в Англии, затем переехал в Брюссель, где начал работу над «Очерками русской смуты». Завершив в 1926 г. последний, пятый, том этого фундаментального труда, перебрался в Париж, где написал книги «Офицеры» (1928 г.) и «Старая армия» (1929-1931 гг.). Оста-

ваясь противником советской власти, он болезненно переживал неудачи Красной армии и радовался ее победам во время Второй мировой войны, называл Гитлера злейшим врагом нашей страны. Однако после войны, опасаясь депортации в СССР, переехал в США, где и скончался. Согласно последней воле генерала в октябре 2005 г. его вместе с супругой перезахоронили в некрополе Донского монастыря в Москве.

Трудности адаптации за рубежом, ощущение утраты прежней жизни, острота эмоционального восприятия обусловили особый психологический климат, в котором находились эмигранты. Писатель Аркадий Аверченко (1880-1925) (Алена Бондарева, очерк «Аве — человек смеющийся!»), например, в своих произведениях много вспоминал, только как-то грустно, точно «сквозь слезы», о России, братоубийственной Гражданской войне (книги «Записки Простодушного», «Я в Европе», 1923 г.).

Между тем инокультурное и иноязычное пространство не помешало реализации и кипучей энергии искусствоведа, философа, культуролога, музыковеда,

Владимир Горовиц.

пианиста, издателя Петра Сувчинского (1892-1985), отличавшегося широкой образованностью, прекрасным знанием русской литературы. Как отметила Зоя Бочарова в очерке «Человек, открытый «как никто всему новому», он не растворился во французской среде, оставался «русским Сувчинским», но писавшим уже по-французски. Отказался от родного языка, как, впрочем, и от юношеского псевдонима Сирин и блистательный герой эссе Алены Бондаревой «Набоков. Отраженный», покоровший своими книгами весь мир и только после вынужденного переезда в США издававший их под своей настоящей фамилией.

Особую область знаний представляют собой исторические изыскания эмигрантов. В стрессовой ситуации, в которой оказался этот пласт интеллигенции, мысль работала весьма интенсивно. Сочинения, посвященные прошлому Родины, как правило, были небольшими по объему, но отличались глубоким содержанием и насыщенностью идеями. В 1920-х годах научным центром наших соотечественников, оказавшихся на чужбине, стала Прага. Здесь создали Русский университет с юридическим и гуманитарным факультетами (для тех, кто не мог слушать лекции в дневное время, — Народный университет), Русский научный институт, выполнявший функции академии наук, а также Русский заграничный исторический архив. Ученую комиссию последнего возглавил Александр Кизеветтер (1866-1933) (Леонид Ляшенко, очерк «Историк, поэт, политик»).

После высылки из России в 1922 г. на печально знаменитом «философском пароходе» этот ученик известного историка Василия Ключевского (с 1908 г. почетного академика Петербургской АН), великолепно

владевший литературным языком и лекторским искусством, преподавал во всех вышеупомянутых учебных заведениях Праги, выезжал с лекциями в Берлин, Белград, Прибалтику. Кроме того, он стал одним из основателей Русского исторического общества, выступал на страницах рижской газеты «Сегодня», берлинской «Руль», парижского исторического журнала «На чужой стороне» (общее число его печатных работ составляет 1003!).

Велико наследие и другого отечественного историка, публициста, политического деятеля Сергея Мельгунова (1879-1956) (Руслан Гагкуев, Марина Гурина, очерк «Летописец красной смуты»), автора поныне не потерявших актуальности исследований, посвященных большевистскому перевороту. Он был в числе первых ученых, проанализировавших события революций 1917 г. и Гражданской войны. Его перу принадлежат такие работы, как «Красный террор в России: 1918-1923», «Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири» (1930-1931 гг.) и др.

Неотделима от отечественной культуры Серебряного века* и Парижа времен эмиграции первой волны личность поэтессы Зинаиды Гиппиус (1869-1945) — одной из тех, кто стоял у истоков русского символизма и инициировал идею религиозно-философских собраний**. Именно на них родилась тема «неохристианства», нашедшая продолжение в 1927-1940 гг. на за-

*См.: М. Шапошников. «Пушкин! Тайную свободу пели мы во след тебе!». — Наука в России, 2004, № 4 (прим. ред.).

**Религиозно-философские собрания — цикл из 22 встреч в зале Русского географического общества (Санкт-Петербург, 1901-1903 гг.), где при участии представителей духовенства и общественности обсуждали проблемы взаимоотношения церкви, интеллигенции и государства, свободы совести, церкви и брака, христианской догматики (прим. ред.).

Федор Шаляпин.

седаниях литературного общества «Зеленая лампа», проходивших в ее квартире в Париже.

Естественно, «декадентская мадонна», как и ее муж — писатель Дмитрий Мережковский (1865–1941), Октябрьскую революцию 1917 г. не приняла. Как справедливо пишет Алена Бондарева в эссе «Антон Крайний и бес», оба они мечтали освободить Россию от «красной заразы» любым путем, даже с применением силы (однако с гитлеровцами никогда дел не имели). Впрочем, «первый поэт эмиграции» Георгий Иванов (1894–1958) (очерк того же автора «Талант двойного зренья») тоже был за интервенцию ради спасения Родины, чего многие его собраты по несчастью принять не могли.

В творчество на новой почве, сулящей небывалые эксперименты, погрузился художник Юрий Анненков (1889–1974). В его невозвращении на Родину в 1924 г., как пишет Никита Иванов в эссе «Жизнь на одном дыхании», не просматривался ни политический мотив, ни отчаянное бегство, ни демонстрация протеста. Это был естественный сумбурный поступок Гражданина мира, для которого единственным Отечеством является искусство, а в Париже заниматься любимым делом лучше, комфортнее, свободнее, чем где бы то ни было.

Герой очерка «Русский американец» того же автора — виртуозный портретист, выдающийся представитель эпохи Серебряного века Николай Фешин (1881–1955) — оказался на чужбине более известным, чем на Родине, откуда он выехал в 1923 г. Не разруха, не материальные трудности стали причинами его эмиграции, а невозможность свободного творчества, проявления индивидуальности за рамками господствующего художественного метода. Лишь в 1990-е годы его открыли у нас как американского маэстро с великой русской школой. Живописец умер в США, но в 1976 г. дочь, следуя его воле, перезахоронила прах отца в Казани.

В 1965 г. в СССР прошла большая выставка картин талантливого мастера кисти Зинаиды Серебряковой (1884–1967). Однако сама она, как отметила Алена Бондарева в эссе «Зика. Автопортрет с челкой», сюда не вернулась, так как к моменту разрешения въезда была слишком стара. А наиболее признанный живописец русской эмиграции Марк Шагал (1887–1985), представленный в очерке Леонида Козлова «Сверхъестественный» художник», в 1973 г. посетил СССР. Причем его искренне поразила теплая встреча почитателей на выставке «Здравствуй, Родина» (по названию одного из его полотен), организованной в Москве и Ленинграде.

Нелегкая судьба изгнанника не миновала и Леонида Пастернака (1862–1945) (Елизавета Ефремова, очерк «Диалог со временем»), как, впрочем, и многих других виднейших художников той поры. Скажем, в памяти потомков навсегда останется проводивший в Париже последние годы жизни герой эссе Марины Гуриной «Движущаяся живопись» Леона Бакс-

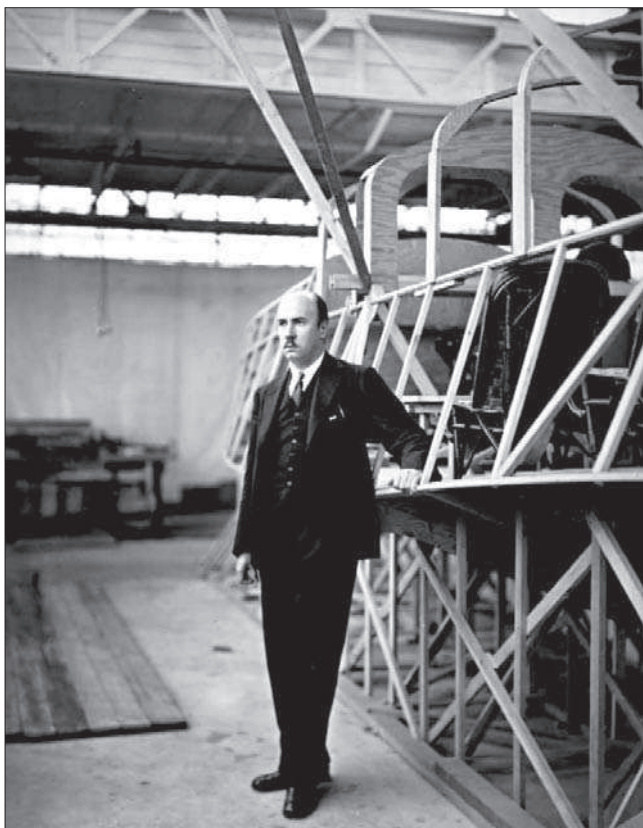

та» (1866–1924), без которого была бы немыслима прогремевшая на весь мир слава «Русского балета»*.

Творчеством художника Константина Коровина (1861–1939) — «нашего первого импрессиониста», как отметил Леонид Ляшенко, именно так назвавший свой очерк, восхищались многие его прославленные современники, в частности выдающийся театральный деятель Сергей Дягилев. Кстати, последний разглядел большой талант и в молодом артисте балета Георгии Баланчивадзе (Джордже Баланчине) (1904–1983), рассказ о котором Виктор Ванслов озаглавил «Творец «танцевальной симфонии». В 1935 г. хореограф создал в США собственную труппу, вошедшую в историю мирового искусства как «Нью-Йорк сити балле».

В мае 1950 г. в Лондоне учредили Федерацию русского классического балета, объединившую 15 английских специальных учебных заведений и возглавленную звездой русской сцены Матильдой Кшесинской (1872–1971) (Валерий Модестов, очерк «Генералиссимус» русского балета»). Как подчеркнула Вале-

*«Русский балет» — компания, основанная в 1911 г. театральным деятелем и искусствоведом Сергеем Дягилевым. Функционировала до его смерти в 1929 г. и пользовалась большим успехом за рубежом, особенно во Франции и Великобритании (прим. ред.).

Игорь Сикорский.

рия Уральская в эссе «Лебедь загадочный», верность национальной школе сохранила и блистательная танцовщица Анна Павлова (1881-1931), объездившая с выступлениями весь мир.

Разумеется, среди эмигрантов были и те, кто весьма нелестно отзывался об отвергшей их Родине. Другие же, напротив, именно на чужбине открыли для себя грандиозность русской культуры. Например, историк, философ, публицист Георгий Федотов глубоко осознал: «позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны — ущербная, изуверченная, но все же великая...». Этот мыслитель, представленный в очерке Александра Киселева «Каждый народ имеет свое собственное духовное призвание», был уверен в исключительной, непреодолимой ценности идеалов свободы, гуманизма, высшего предназначения человеческой жизни, сплавляющих разные поколения сынов Отечества единством духовного мира. Он призывал интеллигенцию отречься от присущей ей страсти к смене «вечных» истин, от небрежения к святыням, увлечения абстрактными, далекими от реальности идеями, поэтому страстно проповедовал нравственное возрождение России.

Среди виднейших деятелей мировой культуры одно из первых мест, безусловно, занимает наш соотечественник художник Николай Рерих (1874-1947). С 1918 г. живя в эмиграции, этот подлинный гуманист XX в., ученый, путешественник, твердо убежденный

в высокой миссии искусства, до конца жизни сохранил российское подданство и на деле доказал любовь к Отчизне. Так, из очерка Елизаветы Ефремовой «Посланник Мира и Культуры» мы узнаем, что в начале Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. он направил в фонд Красной Армии деньги, вырученные от продажи картин, а созданные им в те годы живописные серии «Поход Игоря» и «Александр Невский» предрекали нашей стране победу.

Корифей исполнительского искусства Владимир Горовиц (1903-1989), литературный портрет которого создала Елена Чо в эссе «Русский пианист, покори́вший мир», всегда оставался глубоко национальным музыкантом. Он справедливо полагал: «музыка существует для того, чтобы вносить гармонию в отношения между людьми».

Лаура Зантиева посвятила очерки «Звучащее пространство жизни» и «Подмостки сбывшихся надежд» великому музыканту, дирижеру и композитору Сергею Рахманинову (1873-1943) и одному из самых прославленных оперных певцов Федору Шаляпину (1873-1938). Первый, тревожась за детей и не услышав истину в голосах тех, кто сулил советской России безмятежное будущее, выехал за рубеж в 1917 г., второй — в 1922 г., но навсегда сохранил верность традициям отечественного вокального искусства. В 1984 г. прах артиста перевезли из Парижа в Москву и захоронили на Новодевичьем кладбище.

Герою очерка Ольги Андреевой «Композитор, дирижер Игорь Стравинский» (1882-1971), творчество которого органично связано с традициями русской музыкальной культуры, удалось побывать на родной земле в 1962 г., после 48-летнего расставания с ней. А, как отметил Владимир Глинников в небольшой зарисовке «Электронный луч Зворыкина» (1888-1982), посвященной знаменитому изобретателю телевидения, Владимир Кузьмич, во время Великой Отечественной войны возглавлявший американский Фонд военной помощи русским, посетил СССР в 1959 г. Авиаконструктор же с мировым именем, которому посвящен очерк того же автора «Воздушный путь Игоря Сикорского» (1889-1972), не найдя дома применения своему таланту, эмигрировал на Запад в 1918 г. и в Советский Союз не приезжал. Но своей деятельностью этот выдающийся человек везде, куда ни забрасывала его судьба, стремился, как и остальные герои книги, закрепить признание ценности русского народа как носителя великой культуры и науки.

Иллюстрации предоставлены автором